

С.А. ШУЙСКАЯ,
Н.Н. ЩЕРБАКОВА

**НАИМЕНОВАНИЕ
ПЕСЕННЫХ ЖАНРОВ
КАК НАРОДНАЯ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ
СИСТЕМА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ
СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ
СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ)**

Русский литературный язык, в том числе и его терминологическая система, в ходе своего развития постоянно обогащались и продолжают обогащаться за счет привлечения слов из других подсистем национального языка, в частности, из говоров. Происходит это потому, что и общенародные, и специальные слова являются составной частью единой лексической системы русского языка. Г.О. Винокур очень точно определил внутренние причины этого процесса: «В роли термина может выступать всякое слово <...>, термин — это не особое слово, а только слово в особой функции, функции наименования специального понятия, предмета или явления» [Винокур 1939, 5]. Не является исключением и такая область, как терминология фольклористики.

Если сравнивать освоение диалектной лексики в разных отраслях научного знания, то обнаруживается, что этот процесс происходит по-разному. Так, например, терминология ботаники, зоологии, географии, безусловно, обогащалась за счет лексики русских говоров [Коновалова 1993; Марченкова 1987], но привлечение диалектизмов было весьма избирательным, далеко не все они вошли в состав литературного языка на правах терминов. Что касается терминологии жанров фольклора, то здесь также наблюдается избирательность по отношению к указанным лексемам, однако совершенно очевидно, что терминология фольклористики гораздо теснее связана с народной терминологией. Во многом это объясняется тем, что слова, служащие для обозначения фольклорных жанров, в говорах не обнаруживают богатой синонимии, что отличает, например, диалектную лексику флоры и фауны.

В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть особенности организации частной терминологической системы — названий песенных жанров. Для анализа привлекаются данные из «Словаря русских старожильческих говоров

Среднего Прииртышья» (далее — СГП) и сборника «Фольклор Западной Сибири» (далее — ФЗС).

Наблюдения над материалом позволяют заметить, что группа названий песенных жанров весьма немногочисленна. Среди них выделяются две подгруппы слов: общеупотребительная терминология (*колядка, подблюдная песня, купальская песня, свадебная песня, хороводная песня, колыбельная песня* и т.д.) и диалектные термины (*щедровка, ворожебная песня, уводная песня, круговая* и т.д.). Нужно сказать, что при этом значительная часть диалектных образований представляет собой результаты лексико-фонетического или лексико-словообразовательного варьирования, например, общенародное слово *свадебная* в составе расчлененного наименования *свадебная песня* обнаруживает следующие варианты: *свадебельная, свадьбенная, свадьбишная, свадьбная*.

Номинация жанра чаще всего мотивирована названием праздника, обряда, видом досуга, с которыми связано исполнение песни: «*А купальские песни разные были*» [ФЗС 1974, 43]; «*А песни как поют свадебельные*» [СГП, т. 3, 118]; «*Свадьбенные песни пели — хорошие, грустные; на свадьбе свадьбенные песни пели про невесту*» [СГП, т. 3, 119]; «*Песни пели свадьбишные, дружка за это деньги платит; свадьбишная — на второй на третий день поют её, когда свадьба. Все поют её, вроде наказ дают, ту песню пела вместе с сестрой на свадьбе*» [СГП, т. 3, 119]; «*Раньше на свадьбе пели хорошие свадьбные песни*» [Дополнения 1998, 130]. «*На вечеринке танцы были, пляски и пели вечериночные песни; Всякие песни пели: и вечериночные, и свадьбишные, и застольные*» [СГП, т. 1, 96]; «*Вот ещё есть песня вечеришна, на вечерках пели*» [СГП, т. 1, с. 97]; «*Вечёрошны песни пели тока на вечерках; Песни пели вечёрошны, клуба не было; Пели вечёрошны песни, танцевали*» [СГП, т. 1, 97]; «*А в вечерышных всё эдак кончается. Бывало, раньше на вечерках-то целовались. Поют да целуются*» [ФЗС 1974, 23].

Кроме того, название жанра может быть связано с действием, которое песня сопровождает: «*Песни эти поют под новый год, ворожат, ворожебные они*» [ФЗС 1974, 13]; «*Вечёрошна, плясовая. Выбивали чечётку, когда пели эту песню*» [ФЗС 1974, 27—28]; «*Уводная песня. Пели в последний день масленицы в гостях или на улице. Делали у нас чучело, деревянную ступу, а к ней помело и толкач привяжут, позади печечку. Затопят на санях, печка дышит — на лошади едут по деревне*» [ФЗС 1974, 31].

К этой же группе примыкает цикл аналитических номинаций, представляющих собой словосочетание или предложение, описываю-

шее обстоятельства исполнения песни. Например, в современных говорах, бытующих на территории Омской обл., не обнаруживается такого названия жанра, как *жнивные песни*. Их упоминают исключительно через описание действия, которое они сопровождают: «*Как рожь жали, так и пели*» [ФЗС 1974, 46]; «*Под дожинки пели*» [ФЗС 1974, 45]; «*Под жниво*» [ФЗС 1974, 46]. Единственным случаем односоставного наименования следует считать слово *обжинки*: «*Обжинки. От витебских. Жнем артельно или по одному и поем*» [ФЗС 1974, 47].

Аналогичным образом обозначаются песни, исполняющиеся на разных этапах сватовства, подготовки к свадьбе и на свадьбе: «*поют, когда ведут невесту в баню*» [ФЗС 1974, 51]; «*перед тем как жениху приехать, девки поют*» [ФЗС 1974, 51]; «*поют на девичнике*» [ФЗС 1974, 52]; «*поют, когда жених приезжает на девичник*» [ФЗС 1974, 53]; «*поют, когда ждут жениха перед венцом*» [ФЗС 1974, 55]; «*девушки встречают жениха и поют*» [ФЗС 1974, 56]; «*вот когда к столу выведут невесту, девки поют*» [ФЗС 1974, 58]; «*невесту за стол ведут, она заводит*» [ФЗС 1974, 58]; «*потом уж к венцу собираются, благословляют... пожилые женщины запевают*» [ФЗС 1974, 62]; «*пели, когда невесту провожали в дом жениха после венчания*» [ФЗС 1974, 64]; «*когда от венца привезут невесту, одевают ей платок и поют*» [ФЗС 1974, 65]; «*пелась в конце свадебного стола*» [ФЗС 1974, 70]; «*на второй-третий день свадьбы, когда гуляют, поют*» [ФЗС 1974, 71] и т.д.

Кроме того, свадебные песни часто характеризуются указанием на адресата: «*поют молодым*» [ФЗС 1974, 65]; «*эту песню пели молодым*» [ФЗС 1974, 66]; *халостаму гостю* [ФЗС 1974, 69]; *дружке* [ФЗС 1974, 69]. В некоторых случаях номинация учитывает сразу и адресата, и время исполнения: «*Как за стол сядут, девушки всем песни пели. Свахе жениховой споют*» [ФЗС 1974, 58]; «*Поют невесте и жениху за столом до венца*» [ФЗС 1974, 59]; «*Поют невесте, если та не плачет, когда её ведут из-за стола*» [ФЗС 1974, 62]; «*Во время благословления поют невесте*» [ФЗС 1974, 63]; «*Молодку, когда привезут к свекру из церкви, сажают к столу, гости стоят вокруг стола и поют: "У голуба, голуба золотая голова. У голубки, у голубки позолоченная. У Ивана жена — молодича хороша..."*» [ФЗС 1974, 65]; «*Сироте поют, когда наделяют*» [ФЗС 1974, 73].

Нужно отметить, что такого рода номинации, как правило, очень четко отражают основное содержание текста: если исполнитель указывает на адресата, то песня действительно обращена к нему; если же такого указания нет, то содержание песни с адресатом не связано.

Подобные пояснения, разумеется, нельзя отнести к терминам, однако их содержание явно направлено на создание своего рода классификации свадебных песен в соответствии с этапами обряда. Это обстоятельство теснейшим образом связано с большей сохранностью свадебного фольклора по сравнению с другими обрядами.

Однословные наименования, как и в случаях со жнивными песнями, используются крайне редко, например: *халостяцкая* [ФЗС 1974, 54]. Редко используются и двусловные наименования, созданные по модели «прилагательное + существительное»: «*Вечерняя песня. Выводят невесту на зарю. Невеста причитает... Как любой вечер вздумают зарю пропеть, к матери невесту поведут, она ей в ноги кланяется*» [ФЗС 1974, 50].

Среди народных наименований песенных жанров отмечаются также случаи номинации по музыкальным (темп исполнения) и танцевальным особенностям: «*Вечерошна, плясовая*» [ФЗС 1974, 27]; «*хороводная, на полянке раньше в Пасху играли*» [ФЗС 1974, 32]; «*круговая*» [ФЗС 1974, 33, 35, 37, 39]; «*хороводная, протяжная*» [ФЗС 1974, 42]; «*под дожинки пели, умеренная*» [ФЗС 1974, 45]; «*под жниво, протяжная*» [ФЗС 1974, 46]. Среди других отмечена также характеристика объема песни: «*Можете и вы что-нибудь спеть, каку-нибудь коротяночку <то есть частушку>, повеселее*» [СПП, т. 2, 61].

Крайне редким явлением номинации является создание термина на базе наименования места исполнения песни. В нашем материале это единственный случай: «*Улочная, или хороводная. Стоят в одну шеренгу парами, и на каждый куплет песни по одной паре проходят вдаль шеренги и встают в конце её*» [ФЗС 1974, 36].

Словообразовательные особенности диалектных и общенародных названий песенных жанров обнаруживают черты сходства. Односоставные наименования образуются от основ глаголов при помощи суффикса *-к-*: *колядовать* — *колядка*, *обжинать* — *обжинки*, *щедровать* — *щедровка*; основа прилагательного использовалась только в единственном примере: *короткий* — *коротяночка*. Морфонологические процессы, сопровождающие процесс деривации, типичны для русского словообразования: усечение производящей основы (см. *щедровка*), удлинение суффиксального морфа (см. *коротяночка*). По поводу последнего примера следует сказать, что в данном случае, скорее всего, наблюдается пример черезступенчатого словообразования: *короткий* > **коротяный* > **коротянка* > *коротяночка*. Отмеченные знаком * слова в диалектных словарях не зафиксированы, в связи с этим в слове *коротяночка* можно выделить удлиненный морф

-яночк-, а кроме того, словообразовательный процесс сопровождается усечением производящей основы.

Двусоставные наименования песенных жанров, представляющие большую часть собранного материала, демонстрируют несовпадение грамматического и семантического центра: они выражены словосочетаниями с таким видом связи, как полное согласование, то есть их грамматическим ядром является имя существительное (*песня*). Оно несет и серьезную смысловую нагрузку, однако не служит для дифференциации жанров, эту задачу выполняет зависимый член словосочетания — прилагательное. Не случайно в материалах фольклорного и диалектологического архивов обнаружено большое количество контекстов, в которых слово *песня* опускается, то есть жанры именуются только по первому слову: *хороводная, круговая, колыбельная, плясовая, вечерошная, протяжная* и т.п. Субстантивация, которая здесь отмечается, очевидно, обусловлена указанными выше семантическими особенностями составного терминологического наименования.

Если рассматривать субстантиваты с точки зрения их морфологического словообразования, то можно отметить, что они образуются главным образом от основ существительных, при этом чаще всего используется суффикс *-н-*: *ворожба* — *ворожебная, вечерка* — *вечерочная, застолье* — *застольная, колыбель* — *колыбельная, свадьба* — *свадебная, свадебная, хоровод* — *хороводная, вечер* — *вечерняя, улка* (диал. «улица») — *улочная*. Другие суффиксы используются реже: *купальская* (суффикс *-ск-*), *круговая* (суффикс *-ов-*), *свадебельная* (суффикс *-ельн-*), *свадьбишная* (суффикс *-ишн-*), *холостяк* — *холостяцкая* (суффикс *-к-*). Отыменные словообразовательные модели используются прежде всего для создания названий на базе наименований праздников, обрядов, места проведения досуга. Что касается номинаций, связанных с характеристикой музыкальных особенностей песен и их танцевальным сопровождением, то здесь безусловное лидерство принадлежит отглагольным дериватам: *плясать* — *плясовая, протягивать* — *протяжная, умерить* — *умеренная, уводить* — *уводная*. Хотя это совершенно другие словообразовательные типы, всё же обращает на себя внимание использование и для образования этих терминов суффикса *-н-*. Кроме того, встречаются также суффиксы *-ов-*, *-енн-*.

На наш взгляд, номинации песенных жанров в говорах представляют собой терминологическую систему. В качестве доказательства можно привести следующие соображения.

Прежде всего, к термину предъявляется такое требование, как моносемантичность, то есть «в каждой отдельной области примене-

ния каждый термин должен обозначать одно понятие и, наоборот, каждое понятие должно иметь для своего обозначения один термин» [Коновалова 1993, 8]. Это условие полностью соблюдается в анализируемом материале. Ни одно из приведенных наименований не используется для обозначения двух явлений.

Другое важное требование к термину — точность обозначения понятия, отсутствие семантической диффузности, размытости семантических границ слова. Нужно отметить, что диффузность — довольно частое явление в различных диалектных тематических группах. Однако в нашем случае контекстуальное окружение слова, его подача и восприятие носителем говора свидетельствует о четкости, точности в обозначении понятия. Во многом это продиктовано тем, что названия песенных жанров теснейшим образом связаны с обозначениями определенных праздников, обрядов, хорошо известных исполнителям. И несмотря на то, что материалы фольклорных и диалектологических экспедиций показывают, что происходит утрата прежней строгой связи с обрядом (известны случаи, когда исполнители пели внукам вместо колыбельных, например, колыдки), исполнитель всегда знает, как называется жанр песни, когда и как ее следует петь.

Кроме того, термин должен быть нейтральным в эмоционально-экспрессивном отношении. Это условие также соблюдается в исследуемой группе слов: среди них нет ни одного эмоционально окрашенного образования, они никогда не образуются на базе экспрессивно окрашенной лексики.

К числу требований, предъявляемых к терминам, относят также удобство образования от них производных слов и отсутствие дублетов. Производных слов от названий песенных жанров не обнаружено. Что же касается дублетов, то для говоров это очень распространенное явление. Однако при анализе вариантов диалектного слова, на наш взгляд, чрезвычайно важно учитывать ареал его бытования. Это принципиально важно для таких территорий, как Омская обл., которая, как известно, заселялась выходцами со всех концов России, а потому говорить о наличии дублетов можно только с учетом данных лингвогеографии. Так, самое большое количество вариантов обнаружено у названия *свадебная песня*. Однако, данные «Словаря русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья», а также картотека этого словаря показывают, что дублетов среди них фактически нет, поскольку все они зафиксированы в разных населенных пунктах и совпадений по ареалу нет. Например, вариант *свадебная песня* зафиксирован в селах Колосовского, Москаленского, Тарского р-нов Омской обл.; вариант *свадьбишная песня* более распространен, он встре-

чается в Большеуковском, Большереченском, Нижнеомском, Марьяновском, Москаленском, Тарском, Тевризском, Оконешниковском р-нах; вариант *свадебельный* зафиксирован в единственном населенном пункте — с. Бутаково Знаменского р-на. Как можно видеть, некоторые варианты (*свадебная песня, свадьбишная песня*) бытуют на территории одного района (Москаленского), однако там они встречаются в разных селах: в Харламовке — *свадебная*, в Волчанке — *свадьбишная*. Любопытно, что в селах Тарского р-на (например, в Знаменке) варианты прилагательных *свадебный, свадьбишный* употребляются дифференцированно: для обозначения фольклорного жанра используется слово *свадьбишный*, а для наименования предметов, связанных со свадьбой, — *свадебный*: «*Свадьбишны песни поют*» [Дополнения 1998, 131]; «*То браны пояски, деяла, вожжи были свадьбены*» [Дополнения 1998, 130].

Таким образом, названия песенных жанров в русских говорах Среднего Прииртышья обнаруживают многие черты внутренней организации, присущие терминологическим системам. Единственное, что не позволяет считать эту систему в полной мере терминологической, — внешние условия. По мнению В.П. Даниленко, реализация назначения терминологии возможна исключительно в метаязыке науки [Даниленко 1977, 68]. Именно этого условия в системе диалекта нет и быть не может. Однако все прочие признаки терминологической системы налицо. И в связи с этим можно говорить о наличии в лексической системе русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья группы слов, называющих песенные жанры, которую можно считать народной терминологической системой.

Литература

- Винокур 1939 — Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. Т. 5: Сб. статей по языковедению. М., 1939.
- Даниленко 1977 — Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.
- Дополнения 1998 — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / Отв. ред. Б.И. Осипов. Омск: Омск. гос. ун-т, 1998. Вып. 1.
- Коновалова 1993 — Коновалова Н.И. Фитоника говоров Среднего Урала в системно-функциональном аспекте: Автореф. ... дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
- Марченкова 1987 — Марченкова Л.А. Формирование терминологии физической географии в русском языке (XVII — XIX вв.): Автореф. ... дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
- СПП — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / Под ред. Г.А. Садретдиновой: В 3-х т. Томск, 1992 — 1993.
- ФЗС 1974 — Фольклор Западной Сибири / Сост. Т.Г. Леонова. Омск, 1974.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ФОЛЬКЛОРУ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, АСПИРАНТОВ И СТУДЕНТОВ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1992 — 2002)

1992

Козлова Н.К. Мотив «полет мифического существа» в быличках и поверьях об огненном змее // Локальные традиции и жанровые формы фольклора: Мат. Всесоюз. науч. конф. «Говоры и разговорная речь» (март 1991 г.). — Кемерово, 1992. — С. 36—54.

Леонова Т.Г. Фольклорные традиции Вятского края в Западной Сибири (по материалам Омской области) // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 125-летию со дня рождения П.Н. Луппова): Тез. докл. и сообщений II науч. конф. / Отв. ред. Е.И. Кирюхина. — Киров, 1992. — Т. 1. — С. 227.

Материалы Первого семинара Западно-Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т.Г. Леонова. — Омск: Изд-во ОГПИ, 1992. — 55 с.

Из содерж.: Леонова Т.Г. О задачах и перспективах работы Западно-Сибирского регионального вузовского центра по изучению и сохранению народной культуры. — С. 16—21; Москвина В.А., Гидеон С.Г. О воспитании детей в традициях народной культуры. — С. 47—48.

Русский вопрос: История и современность. Тез. докл. Всерос. науч. конф. / Отв. ред. Н.А. Томилов. — Омск: Изд-во ОГПИ, 1992. — Ч. 2. — 95 с.

Из содерж.: Леонова Т.Г. Актуальные задачи собирания и изучения фольклора. — С. 58—59; Москвина В.А. Заговоры. Собирание и изучение. — С. 60—61.

Славянские чтения: Литература. Язык. История. Этнография. Тез. докл. науч.-практ. конф. — Омск, 1992. — Вып. 1. — 52 с.

Из содерж.: Козлова Н.К. Былички и поверья Прииртышья об огненном змее. — С. 19—20; Леонова Т.Г. Славянские межнациональные связи в фольклоре Омской области. — С. 21—23.

1993

Духовное возрождение России: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. Секция 3. Научный семинар. — Омск, 1993. — 176 с.

Из содерж.: Кучегура Л.А. Детский фольклор в его современном бытовании. — С. 136—138; Леонова Т.Г. Локальные традиции в фольклоре русского населения Омской области. — С. 138—140.

Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / Сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. — Новосибирск, 1993. — 352 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока.)

Славянские чтения: Духовная культура и история славян. Тез. и мат. науч.-практ. конф. — Омск: Изд-во Тарского фил. Омского гос. пед. ин-та, 1993. — Вып. 2. — 178 с.

Из содерж.: Бреханова О.В. Особенности мифологизированных женских образов в восточнославянской культуре XI — XIII веков. — С. 4—5; Москвина В.А. Проблема классификации заговоров